

СИБИРСКИЕ ОГНИ

3

НОВОСИБГИЗ · 1939

ЧЕХОВ О СИБИРИ

I

МАРШРУТ И ДАТЫ ПОЕЗДКИ НА ОСТРОВ САХАЛИН В 1890 ГОДУ

Поездка на остров Сахалин через Сибирь и Дальний Восток, предпринятая А. П. Чеховым в 1890 году, представляется самым значительным путешествием в биографии писателя. Она, вообще, была крупнейшим событием на его писательском пути. Поездка состоялась еще до постройки железных дорог в Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке. Весь путь был проделан на лошадях и пароходах, за исключением участка Уральской дороги — от Перми до Тюмени.

Маршрут этого путешествия был следующий. 21 апреля 1890 г. Чехов выехал из Москвы. В Ярославле он сел на пароход и миновал 23 апреля Нижний Новгород. Приблизительно 29-го он приехал в Екатеринбург и 3 мая выехал из Тюмени. 4 мая — в гор. Ишиме. В ночь на 6 мая на пути из г. Ишима к берегу Иртыша он испытал ямщицкую удадь — тарантас, в котором ехал писатель, на всем ходу столкнулся с другой ямщицкой тройкой. Чехов остался невредим, хотя и подвергся определенной опасности прервать свой путь. 7 мая он был на берегу Иртыша, 12 мая — у реки Оби, 13 мая — в Красном Яре. 14 мая в 50 верстах от Томска его задержал стихийный разлив реки Томи. 15—20 мая он был в Томске. 21 мая Чехов тронулся из Томска в Красноярск и 25 мая был в Мариинске, а 28-го в Ачинске, и затем в Красноярске. 4 июня вечером он приехал в Иркутск. 11 июня писатель выехал из Иркутска и 13 июня был на берегу Байкала, на станции Лиственничной. 14 июня на пароходе, нанятом каким-то купцом, поехал по Байкалу, к станции Ключево; из Ключева прошел 8 верст до станции Мысканской, где

дали лошадей до станции Боярской. 19 июня приехал в Нерчинск, а 20-го утром — в Сретенск, где и окончилась поездка на лошадях. 20 июня Чехов выехал на пароходе «Ермак» по реке Шилке, сливающейся дальше с рекой Аргунью и впадающей затем в Амур. 21 июня он ехал по Амуру, после ночевки в Горбице, на том же пароходе «Ермак». В этот же день, т. е. 21 июня, пароход, на котором находился Чехов, у Усть-Стрелки, места слияния р. Шилки с р. Аргунью, наскочил на камни и, получив пробоину, остановился для починки. 23 июня состоялся выход из Усть-Стрелки дальше по Амуру и приезд в станицу Покровскую. 26-го июня — подъезжает к Благовещенску и 27 — был в китайском городе Айгун. 29 июня вечером — в Рауде, — на пароходе «Муравьев». 30-го июня — в Хабаровске. 5 июля — приезд в Николаевск — в 27 верстах от устья Амура. Отдых после обеда в зале «Благородного собрания», за отсутствием в г. Николаевске гостиницы. С 5-го на 6-е и с 6-го на 7-е ночевал на пароходе «Муравьев». 7 июля, под вечер, переезжает на пароход «Байкал», стоящий в 2—3 верстах против Николаевска. 8 июля, перед обедом, на «Байкале» Чехов поехал по Амуру дальше — к морю. Вечером того же дня, после захода солнца, «Байкал» бросил якорь у мыса Джаоре. Чехов съезжает на берег, посещая семью морского офицера Б., живущего на горном мысу в избушке, за которой тянется девственная, непроходимая тайга. Возвращается на пароход «Байкал». 9 июля, в ранние сумерки, едет дальше от мыса Джаоре — в Татарский пролив. В 6 ч. утра проезжает самое узкое место Татарского пролива — между мысами Погоби и Лазарева. Видны оба берега — материковый и сахалинский. 9 июля в 8 ч. утра «Байкал» проходит мимо шапки Невельского и в 2 часа входит в бухту Де-

Кастри у Сахалинского берега. С 9-го на 10 июля — ночевка в Де-Кастри. 10 июля, в полдень, из бухты Де-Кастри «Байкал» идет поперек Татарского пролива — к устью Дуйки, т. е. к посту Александровскому. 10 июля в 9 ч. вечера «Байкал» прибывает к посту Александровскому. В этот момент в пяти местах горела сахалинская тайга. Все было «в дыму, как в аду». С 10-го на 11 июля — ночевка на пароходе «Байкал». 11 июля в 5 ч. утра Чехов переходит на катер, отходящий к берегу в последний раз. Приезд в Александровскую слободу и вечером того же дня переезд в пост Александровский. После приезда до конца июля знакомится с Александровским округом — с лежащими по реке Дуйке: Александровским постом, селением Корсаковским, Красным Яром. 31 июля Чехов делает первый выезд к речке Аркай, впадающей в Татарский пролив, в 8—10 верстах севернее реки Дуйки. 2 августа производит обследование селения Красного Яра — на реке Дуйке. 25 августа проводит в селении Дербинском, — Тымовского округа северного Сахалина, — на тюремных рыбных ловлях. 27 августа делает поездку на лодке по горной тайговой реке Тымь вниз по течению — до селения Дербинского. Тяжелая дорога пешком по тайге к селению Воскресенскому. С 27-го на 28-е ночует в селе Воскресенском. В сентябре, — до 10 числа, включительно, — производит обследование 30 селений северного Сахалина, нескольких тюрем и других учреждений каторги, быта и нравов каторжан, административной системы, медицинских и санитарных вопросов. 11 сентября в 10 час. вечера выезжает на «Байкале» из «столицы Сахалина» — поста Александровского — в южный Сахалин. 12 сентября «Байкал» входит в залив Аниву, к Корсаковскому посту, административному центру южного Сахалина. Отсюда Чехов начинает обследование 20 селений южного Сахалина. 13 октября он выезжает из южного Сахалина (пост Корсаковский) в Одессу на пароходе Добровольного общества «Петербург» (позднее «Березань»); от поста Корсаковского «Петербург» идет на Владивосток. 16 октября из Владивостока Чехов посылает телеграмму своей семье — в Москву. С 16 октября по 9 декабря продолжается обратный путь Чехова с Дальнего Востока в Россию — морем, вокруг Азии, через Индийский океан, Суэцкий пролив, Кон-

стантинополь, Одессу, Смоленск. 9 декабря, после 7½ месяцев отсутствия в России, Чехов был в Москве.

II

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДСТВЕ ЧЕХОВА

По мере того, как Чехов передвигался с запада на восток, все дальше углубляясь в Сибирь, им посылались письма — своей семье и ряду близких в тот период современников. Они напечатаны в III томе писем А. П. Чехова и составляют, в совокупности, своего рода путевой дневник писателя.

Чехов писал из Тюмени, Ишима, с берега Иртыша, из села Яра, из Томска, Мариинска, Ачинска, Красноярска, Иркутска, со станции Лиственичная — на берегу Байкала, с амурского парохода «Ермак», из Горбицы — казачьей станицы на берегу Шилки (притока Амура), из станицы Покровской на берегу Амура, из Благовещенска, из Рауде, с амурского парохода «Муравьев», из Николаевска, с парохода «Байкал», в Татарском проливе, с острова Сахалина. Чаще он писал в мае, июне и июле, т. е. с дороги, и меньше — с острова Сахалина. В общем более 100 страниц III тома писем Чехова относятся к его поездке на Восток.

Как и все письма Чехова, они дышат свежими, ясными впечатлениями и образами новой для писателя природы и новых людей. В них нет большой, последовательно развертывающейся описательной темы. Это — кадры длинного пути. Это — штрихи, наброски, дорожные пятна и блики. И в этих отрывочных зарисовках Чехов отдает дань своему тонкому юмору. В целом же получается представление о местах, которые проехал писатель, а также о виденном и слышанном им в этих местах.

Корреспондируя своей семье и некоторым знакомым, Чехов в то же время пытался осуществить свое намерение — посылать из Сибири краткие корреспонденции в петербургскую газету «Новое Время». Приехав в Томск, в письме от 20 мая он сообщал Суворину: «Уезжая, я обещал присылать Вам путевые заметки, начиная с Томска, ибо путь между Тюменью и Томском давно уже описан и эксплуатировался тысячу раз. Но Вы в

Вашей телеграмме изъявили желание иметь от меня сибирские впечатления возможно скорее... Посылаю Вам шесть глав. Написаны они лично для Вас. Писал я только для Вас и потому не боялся быть в своих заметках слишком субъективным и не боялся, что в них больше чеховских чувств и мыслей, чем Сибири. Если какие строки найдете интересными и достойными печати, то передайте их благотворительной гласности, подписав мою фамилию и печатая их тоже отдельными главками, через час по столовой ложке. Общее название можно дать «Из Сибири», «Из Забайкалья», потом «С Амура» и т. д. Новую партию Вы получите из Иркутска, куда я еду завтра... Вышло опять несколько глав и буду высылать, независимо от того, будете Вы печатать или нет...» «Свои путевые заметки писал я начисто в Томске при сквернейшей номерной обстановке, но со старанием... Заметки эти идут к Вам вместо письма, которые складывались у меня в продолжении всего пути».

6 глав действительно были посланы и печатались в «Новом Времени» 24—29 июня в №№ 5141, 5143—5147.

Повидимому, дорога с ее тяжелыми условиями не особенно благоприятствовала осуществлению этих намерений Чехова. Только в письме к Суворину от 17 июня из Благовещенска он возвращается к вопросу о своих корреспонденциях: «В голове у меня все перепуталось и обратилось в порошок; и не мудрено... Проплыл я по Амуру больше тысячи верст и видел миллионы пейзажей, а ведь до Амура были Байкал, Забайкалье... Правдо, столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно... У меня глупое настроение, писать не хочется и пишу я коротко, по-свински, сегодня послал Вам четыре листка об Енисее и тайге, потом пришло о Байкале, Забайкалье и Амуре. Вы не бросайте эти листки, я соберу их и по ним, как по нотам, буду рассказывать то, что не умею передать на бумаге». На посланных из Благовещенска четырех листках, очевидно, и были написаны последние три главы — VII, VIII и IX очерков «Из Сибири», в которых описываются и Енисей, и сибирская тайга. Они были напечатаны в «Новом Времени» 20 и 24 июля и 23 августа в №№ 5168, 5172 и 5202. Предположение Чехова послать очерки о Байкале, Забайкалье и Амуре, повидимому, не

осуществилось. Нет никаких следов работы над этими кадрами путевого дневника — ни в печати, ни в оставшихся рукописях писателя, и в письмах к Суворину он к этому вопросу не возвращался. Следовательно, путевые заметки не представляют чего-то законченного и цельного. Они оборвались, в сущности, даже не на полпути, а на первой трети пути. И писателю оставалось рассказывать впоследствии о виденном и слышанном гораздо больше, чем он успел и сумел запечатлеть в своих корреспонденциях.

Надо, однако, заметить, что по своему содержанию и стилю эти корреспонденции в известной мере повторяют одновременно посылавшиеся Чеховым с его пути письма. Имеются общие темы, общие места, даже общие выражения. Но в очерках — в отличие от писем — читатель получает художественную очерковую разработку того же путевого материала писем. В последнем полном собрании сочинений Чехова они составляют 66 страниц X тома.¹

Помимо путевых писем и путевых очерков поездка А. П. Чехова в Сибирь и на Дальний Восток отложились в книге «Остров Сахалин (из путевых записок)». Книга начинается словами: «5 июля 1890 г. я прибыл на пароходе в т. Николаевск, один из самых восточных пунктов нашего отечества. Амур здесь очень широк, до моря осталось только 27 верст...» Первые страницы книги «Остров Сахалин» наверное и составляют в суженном — сжатом виде часть недосланных Суворину путевых очерков от Николаевска на Амуре до Де-Кастри на о. Сахалине. Что же касается части пути от Енисея и Красноярска до Николаевска на Амуре, она так и осталась не воспроизведенной в путевых очерках, а запечатлена писателем только в его письмах.

Книга «Остров Сахалин», названная А. М. Горьким в одном из его писем «исследованием», представляется центральным узлом чеховских материалов о Сибири. Попутно сибирская тема нашла также свое отражение в следующих рассказах Чехова: «В ссылке», «Убийство» и «Гусев».

Рассказ «Гусев» был написан в 1890 году, т. е. в год поездки на о. Сахалин, и

¹ Госуд. изд. худ. лит-ры, 1932 г. т. X. Под ред. А. В. Луначарского и С. Д. Балухатого.

напечатан в том же году, 25 декабря в № 5326 газ. «Новое Время», с датой под подписью «Коломбо». Следовательно, Чехов писал этот рассказ на обратном пути с Дальнего Востока, оглябая на океанском пароходе великий азиатский материк. В письме к Суворину от 23 декабря он писал: «...Так как рассказ зачат был на острове Цейлоне, то, буде пожелаете, можете для шика написать ввиду: «Коломбо, 12 ноября». Но «Гусев» не может быть причислен к рассказам о Сибири. Рассказ писан под впечатлением и отчасти на материале поездки Чехова на пароходе Добровольного Общества «Петербург», который шел из Владивостока и вез с Дальнего Востока в Россию возвращавшихся военных, служащих и ссыльных. Это рассказ о жертвах царской службы на Дальнем Востоке, о солдатах, отслуживших положенный срок вдаль от своих мест и не доехавших до дому. Но весь рассказ разворачивается в обстановке только большого парохода, в лазарете которого живут эти несчастные возвращенцы.

Рассказ «В ссылке», впервые напечатанный 9 мая 1892 года в № 12—16, т. XLVII журн. «Всемирная Иллюстрация», опять-таки на тему о ссылке. Место действия — Дальний Восток; река... «быстро неслась куда-то в далекое море».

Наконец, — рассказ «Убийство», впервые напечатанный в 11-ой, т. е. ноябрьской, книжке журнала «Русская Мысль» за 1893 г. В этом рассказе основное действие происходит в России, может быть даже на юге, в районе Таганрога (по локальному и бытовому колориту), но с чертами в то же время и среднерусской жизни и природы (это обобщение так характерно для Чехова)... Последняя — VII глава рассказа «Убийство», начинающаяся словами: «На Дуэском рейде на Сахалине поздно вечером остановился иностранный пароход и потребовал угля» — построена на сахалинском материале. Яков Иванович, убивший своего брата Матвея, находится уже в Воеводской тюрьме и попадает в партию каторжан, которых гонят нагружать пришедший в Дуэ иностранный пароход.

Таким образом, все три рассказа Чехова, связанные с его впечатлениями о поездке на Сахалин, преимущественно сахалинские. Но и сам Сахалин, известный Чехову неизмеримо больше, в сравнении с другими местами, через которые прошел

его путь на Дальний Восток, вошел в его художественную прозу, преимущественно отдельными мотивами и эпизодическими главами. Однако, и они колоритны, сильны и не забываются, как и вся мастерская ткань рассказов и повестей Чехова.

Каков характер и масштаб работы Чехова о Сахалине?

«Остров Сахалин» имеет 23 главы (в X томе собр. соч. издания 1932 г. — 268 страниц).

В I главе писатель говорит о путевых впечатлениях от Николаевска-на-Амуре до Александровского поста на о. Сахалине, а затем — о первых днях пребывания на северном Сахалине. В этой же главе попутно говорится об исследователях: Лаперузе, Браутоне, Крузенштерне и Невельском, а также о японских работах в связи с вопросами географии острова Сахалина.

Во II главе — краткая география острова. Ею начинаются собственно сахалинские материалы и впечатления Чехова.

В книге особо выделяется III глава, в которой Чехов с исключительной скромностью на нескольких страницах говорит о произведенной им лично переписи 10 тысяч каторжан и ссыльных острова Сахалина, о содержании статистических карточек. Между тем именно эта перепись, не преувеличивая, была самой выдающейся ступенью общественной биографии Чехова.

В дальнейших главах, начиная с IV до XI, включительно, излагается материал изучения северного Сахалина, вынесенный писателем из опыта личных наблюдений, из опыта личного исследования Сахалина. Тут же имеются сопоставления указаний различных источников, ссылки или отрицание их и пр., уделяется внимание малым народностям — цыганам, гилякам, особенно последним, в частности, мерам к их обрусению (в XI главе).

Начиная с XII главы до XIV главы, отчасти, работа относится к южному Сахалину, об истории и состоянии «вольной колонизации» его. В XII главе исследователь останавливает свое внимание на народе айно.

Остальная часть труда Чехова — главы XV—XXIII — обобщают материал сделанных писателем наблюдений и статистического обследования, в разрезе определенных тем и вопросов. Писатель говорит о «каторжных хозяевах», о «переселенцах», о составе сахалинского населения по полам, и, в связи с этим, о «женском воп-

росе» на о. Сахалине. Читатель находит в книге специальные главы о составе населения по возрастам и его семейном положении, о занятиях ссыльных, о пище и одежде ссыльных, школе и грамотности. В XX главе имеется материал о «свободном населении». В XXI главе — о «правственности ссыльного населения», преступлениях и наказаниях. Глава XXII специально говорит о «беглых на Сахалине», их составе, причинах побегов и пр. Наконец, в XXIII главе говорится о «болезненности и смертности ссыльного населения» и медицинской организации на о. Сахалине.

В плане и системе подбора материала, в методах и формах наблюдений, в тематических линиях и социальных обобщениях, которые проникают содержание книги и организуют ее текст — чувствуется, с одной стороны, спокойная традиция позитивного метода, метода тщательной последовательной констатации фактов, событий, процессов и сопоставления настоящего с прошлым без установления, однако, каких-либо общественных закономерностей. «Остров Сахалин», действительно, как и определял сам автор его, представляется «литературным источником и пособием», свежим, веским, оригинальным в ряду других работ того же порядка.

С другой стороны, характерная особенность книги о Сахалине заключается в свободной форме ее изложения, свободной от обычной для исследовательских работ скованности языка, нарочитой сухости или официальности. Рассказ о сахалинской каторге, при всей своей строгости и фактичности, проникнут свежестью свободного чеховского языка — его писал исследователь и художник, сумевший незаметными штрихами и линиями еще более углубить выразительность предлагаемого читателю фактического и цифрового материала.

III

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ НА ВОСТОК

Поездка по Сибири и Дальнему Востоку прежде всего обогатила писателя впечатлениями новых географических ландшафтов. В творческом сознании Чехова момент восприятия природы никогда не был второстепенным. Наоборот, он всегда был одной из направляющих сил в выбо-

ре и обработке художественного материала.

Путь по новым местам получал оценку писателя прежде всего в его письмах. В этих записях с дороти имеются десятки великолепных зарисовок сибирских ландшафтов и пейзажей, так сказать, деталей сибирской природы. Конечно, они отличаются определенным субъективизмом, в них проявляется личный вкус писателя, как художника, в частности, пейзажиста.

Передвигаясь по Сибири от Тюмени до Амура, Чехов первую часть пути провел в месяцы весеннего перелома. Западную Сибирь он проезжал до вступления сибирской весны в свои права, тогда как Восточную Сибирь, Забайкалье, Амур и Приморье он видел позже — весной и летом. В неравномерном восприятии сибирской природы, в смысле впечатляемости мест, сыграла большую роль и эта разница в 1-1½ месяца. Вот почему личные путевые невзгоды и ощущения, испытанные им большие трудности и лишения, а также медленное, непривычно затянувшееся для человека, приезжего из центральной России, весеннее потепление, повлияли на Чехова, когда он недружелюбно писал о западно-сибирской природе, о первой части своего пути по Сибири.

Вот эти невеселые кадры дорожной ленты Чехова по Западной Сибири.

— «Пишу Вам теперь, сидя в избе на берегу Иртыша. Ночь... Еду я по Сибирскому тракту на вольных. Проехал уже 715 верст... С сегодняшнего утра стал дуть резкий холодный ветер и заморосил противнейший дождик... Надо заметить, что в Сибири весны еще нет: земля бурая, деревья голые, и, куда ни взглянешь, всюду белеют полосы снега; день и ночь еду в полушубке и в валенках...»

Природа и путевые наблюдения до Красноярска в набросках Чехова носят все тот же мрачный колорит, получают однообразную серую окраску. Вот, например, впечатления с берега Иртыша.

«...подул с утра ветер... Тяжелые свинцовые облака, бурая земля, пярзь, дождь, ветер... Брр! Еду, еду... Без конца еду, а погода не унимается... увидел луговой берег Иртыша, весь покрытый большими озерами; дорога спряталась под водой и мостки по дороге в самом деле или снесены, или раскисли... Начинаем ехать по озерам... Боже мой, никогда в жизни не испытывал ничего подобного! Резкий ветер, холод, отвратительный дождь, а ты

изволь вылезать из тарантаса (не крытого) и держать лошадей: на каждом мостике можно проводить лошадей только по одиночке... Кругом пустыня, тоска; виден голый, угрюмый берег Иртыша... Но вот, наконец, выезжаем к последней полоске, отделяющей озера от Иртыша... Отлогий берег Иртыша на аршин выше уровня; он глинист, гол, изгрызен, склизок на вид... Мутная вода... Белые волны хлещут по глине, а там Иртыш не ревет и не шумит, а издает какой-то странный звук, похожий на то, как будто под водой стучат по гробам... Тот берег — сплошная безотрадная пустыня... Вам снился часто Божаровский омут; так мне теперь будет снится Иртыш». Чехову вновь советуют «обожждать тихой погоды» и он не в первый раз ждет ее. «И вот я сижу ночью в избе, стоящей в озере на самом берегу Иртыша, чувствую во всем теле промозглую сырость, а в душе одиночество, слушаю, как стучит по гробам мой Иртыш, как ревет ветер...»

Вот картина ранней сибирской весны. «О весне говорят одни только утки. Ах, как много уток! Никогда в жизни я не видел такого утиного изобилия. Летают над головой, вспархивают около тарантаса, плавают в озерах и в лужах, короче — в один день из плохого ружья я настрелял бы тысячу штук. Слышно, как кричат дикие гуси. Их здесь тоже много. Часто попадаются вереницы журавлей и лебедей. В березняке порхают тетерева и рябчики. Зайцы, которых здесь не едят и не стреляют, ничтоже сумняся стоят на задних лапках и, вздернув уши, любопытным взором провожают едущих. Они так часто перебегают дорогу, что это здесь не считается дурною приметой».

Дорога от и до станции, с ее перегонами по 30—40 верст, имеет свои привычные блики, приводит к характерным для Сибири встречам и мыслям:

«Мелькают верстовые столбы, лужи, березнячки... Вот перегнали переселенцев, потом этап... Встретили бродяг с котелками на спинах; эти господа беспрепятственно прогуливаются по всему сибирскому тракту. То старушонку зарежут, чтобы взять ее юбку себе на портянки, то сорвут с верстового столба жестянку с цифрами — согдится, то проломят голову встречному или выбьют глаза своему же брату ссыльному, но проезжающих они не трогают. Вообще в разбойни-

чем отношении езда здесь совершенно безопасна».

«Расстояние между станциями определяется расстоянием между каждыми двумя соседними деревнями: 20—40 верст. Деревни здесь большие, поселков и хуторов нет. Везде церкви и школы; избы деревянные, есть и двухэтажные».

Еще на пути из Ишты в Томск, приблизительно в районе села Яр, в 45 верстах от Томска, Чехов набрасывает свои впечатления о местном быте. Чехов наблюдал, прежде всего и главным образом, почтовую и вольную ямщицкую Сибирь, — людей, обслуживавших сибирский тракт. Вместе с тем, в известной мере, этнографический — бытовой материал был открыт для его мгновенных наблюдений и в придорожной полосе тех пунктов, где он не надолго останавливался. Но преимущественно он видел людей и жизнь сибирского тракта. Ямщицкий быт он охарактеризовал следующим образом:

«От Тюмени до Томска ни почтовые, ни вольные ямщики не помнят, чтобы у проезжего украли что-нибудь; когда едешь на станцию, вещи оставляешь на дворе; на вопрос, не украдут ли, отвечают улыбкой. О грабежах и убийствах не принято даже говорить. Мне кажется, потеряй я свои деньги на станции или в возке, нашедший ямщик непременно возвратил бы мне их и не хвастался бы этим. Вообще народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями. Комнаты у них убраны просто, но чисто, с претензией на роскошь; постели мягкие, все подушки и большие подушки, полы выкрашены или устланы самодельковыми холщевыми коврами. Это объясняется, конечно, зажиточностью, тем, что семья имеет надел из 16 десятин чернозема и что на этом черноземе растет хорошая пшеница (пшеничная мука здесь стоит 30 коп. за пуд). Но не все можно объяснить зажиточностью и сытостью, нужно уделить кое-что и манере жить. Когда ночью входишь в комнату, в которой спят, то нос не чувствует ни спиралей, ни русского духа. Правда, одна старуха, подавая мне чайную ложку, вытерла ее о задницу, но зато вас не посадят пить чай без скатерти, при вас не отрывивают, не ищут в голове; когда подают воду или молоко, не держат пальцы в стакане, посуда чистая, квас прозрачен как пиво — вообще чистоплотность, о которой наши хохлы могут только мечтать, а ведь хох-

лы куда чиcтoплoтнee кaцaпoв! Хлeб пeкут здeсь прeвкyснeйшeй; я в пepвыe днeй oбeдaлcя им. Вкyсны и пирoги, и блины, и oлaды, и кaлaчи, нaпoминaющe хoлaцкиe нoздpeвaтe бyблики. Блины тoнки... Зaтo вce oстaльнoe нe пo eврoпeйcкoмy жeлyдкy.

Новый разлив застал Чехова на Томи — это было 14 мая. Ему не дали лошадей. Пришлось ехать лодкой, нагруженной почтой, и перенести настоящую опасность поездки по обширным водным пространствам во время грозы.

«Сначала наша лодка плыла по лугу около кустов тальника... Как бывает перед грозой или во время грозы, вдруг по воде пронесся сильный ветер, поднявший валы. Гребец, сидевший у руля, посоветовал переждать непогоду в кустах тальника; на это ему ответили, что если непогода станет сильнее, то в тальнике просидишь до ночи и все равно утонешь. Стали решать большинством голосов и решили плыть дальше. Нехорошее, насмешливое мое счастье! Ну к чему эти шутки? Плыли мы молча, сосредоточенно... Помню фигуру почтальона, выдавшего виды. Помню солдатику, который вдруг стал багров, как вишневый сок... Я думаю, если лодка опрокинется, то сброшу полшубок и кожаное пальто... потом валенки... потом и т. д. Но вот берег все ближе, ближе... На душе все легче, легче, сердце сжимается от радости, глубоко вздыхаешь почему-то, точно отдохнул вдруг, и прыгаешь на мокрый скользкий берег... Слава богу!»

В такой длинной дороге совершенно была неизбежна встреча и с представителями сибирской администрации, типичным олицетворением которой в районно-участковом масштабе был заседатель, т. е. становой пристав. С одним из таких администраторов Чехов встретился у содержателя вольной ямщины «выкреста» Илья Марковича, у которого он собрался заночевать. К вечеру явился и заседатель. «Заседатель — это густая смесь Ноздрева, Хлестакова и собаки. Пьяница, развратник, лгун, певец, анекдотист и при всем том добрый человек. Привез с собой большой сундук, набитый делами, кровать с матрасом, ружье и писаря... Трескает власть здорово, врет напропалую, сквернословит бесстыдно. Ложимся спать. Утром опять посылают за наливкой. Трескают наливку до 10 часов и наконец едут. Выкрест Илья Маркович,

которого мужики боготворят здесь — так мне говорили, — дал мне лошадей до Томска».

Дорога до Томска дала возможность Чехову познакомиться не только с типами и бытом русского населения. Он делает чрезвычайно характерные и выразительные наблюдения над сибирскими евреями и татарами.

«Кстати об евреях. Здесь они пахнут, ямщикуают, держат перевозы, торгуют и называются крестьянами, потому что они в самом деле и de jure и de facto крестьяне. Пользуются они всеобщим уважением и, по словам заседателя, нередко их выбирают в старосты».

«Быть может и про татар написать. Вам? Извольте. Их здесь немного. Люди хорошие. В Казанской губ. о них хорошо говорят даже священники, а в Сибири они «лучше русских» — так сказал мне заседатель при русских, которые подтвердили это молчанием. Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей».

Томск был первым городом после длительного пути из Тюмени, который Чехову пришлось проехать главным образом на лошадях в весеннюю распутицу. В Томске он пробыл 7 дней и, конечно, имел какую-то возможность видеть и город, и местных людей. Но типаж и бытовой материал первого сибирского города обобщаются им в общем, типичном для Чехова, суждении о российских городах.

«Томска описывать не буду. В России все города одинаковы. Томск город скучный, не трезвый; красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское. Замечательен сей город тем, что в нем мрут губернаторы». В другом месте: «В Томске невылазная грязь». «... Здесь есть «Славянский Базар». Обеды хорошие, но доброты до этого Базара нельзя — грязь невылазная». Или: «... Говорят, что на весь Томск имеется один только банщик — Архип».

Познакомившись с местными людьми (в числе которых был и посетивший Чехова «любитель литературы и даже писатель» помощник полицмейстера и редактор «Сибирского Вестника» К. — «местный Ноздрев, широкая натура...»), Чехов заключает свои томские впечатления в следующей фразе: «Томск скуч-

нейший город. Если судить по тем пьяницам, с которыми познакомился, и по тем вумным людям, которые приходили ко мне в номер на поклонение, то и люди здесь прескучнейшие. По крайней мере мне с ними так невесело, что я приказал человеку никого не принимать».

Совсем другую реакцию вызвал у Чехова Красноярск. Была, впрочем, и другая общая картина — входила в свои права поздняя сибирская весна, переходящая в лето. Но наблюдения быта, людей в этом городе были еще более краткими. С «местными» людьми Чехов не встречался. Однако, сам город произвел на него хорошее впечатление.

Еще из Мариинска, 25 мая, Чехов писал: «Весна начинается; поле зеленеет, деревья распускаются, поют кукушки и даже соловьи. Было сегодня прекрасное утро, но в 10 часов подул холодный ветер и пошел дождь. До Томска была равнина, после Томска пошла леса, овраги и проч.»

Преодолев труднейшую дорогу, с двумя починками повозки и другими приключениями, Чехов 28 мая писал о своем знакомстве с другим сибирским городом — Красноярском: — «Красноярск красивый, интеллигентный город; в сравнении перед ним Томск свинья в ермолке и моветон. Улицы чистые, мощеные, дома каменные, большие, церкви изящные... Я согласился бы жить в Красноярске. Не понимаю, почему здесь излюбленное место для ссылки».

Но Чехову понравился не только Красноярск. Он был захвачен картиной Енисея и окрестных гор: «...я писал Вам, что горы около Красноярска похожи на Донецкий край, но это неправда; когда я взглянул на них с улицы, то увидел, что они, как высокие стены, окружают город и мне живо вспомнился Кавказ. А когда перед вечером, уезжая из города, я перешел Енисей, то видел на другом берегу совсем уж Кавказские горы, такие же дымчатые, мечтательные... Енисей широкая, быстрая, гибкая река; красавец, лучше Волги. И паром через него замечательный, хитро устроенный, плывущий против течения; об устройстве сей штуки расскажу дома. Итак, горы и Енисей — это первое оригинальное и новое, встреченное мною в Сибири. И горы, и Енисей подарили меня такими ощущениями, которые стоицею вознаградили

меня за все пережитые кувырколлегии и которые заставили меня обругать Левитана болваном за то, что он имел глупость не поехать со мной».

«До Каяска было холодно; начиная от Каяска (зри карту) стали спускаться к югу. Зелень такая же густая, как и у вас, даже дубы распустились. Береза здесь темнее, чем в России, зелень ее не так сентиментальна. Масса черемухи, которая заменяет здесь и сирень и вишню. Говорят, что из черемухи отличное варенье. Ел ее маринадованную: ничего себе».

Путь от Красноярска до Иркутска — 1566 верст по тракту. Стояла уже жара, мешал даже дым от лесных пожаров и забравшаяся во все поры тела и одежды пыль — «поглядишь себя в зеркало и кажется, что затримировался.» На этом длинном перегоне Чехов с подъемом говорит об Енисее и тайге: «... весьма интересно и любопытно, ибо представляет новизну для европейца, все же остальное обыкновенно и однообразно. Вообще говоря, сибирская природа мало отличается (наружно) от российской...»

В ночь на 4 июня Чехов был уже в Иркутске и прожил в нем 7 дней. Сам Иркутск произвел на писателя впечатление еще лучшее в сравнении с Красноярском. Не один раз он отмечает явное преимущество Иркутска:

«Из всех сибирских городов самый лучший Иркутск. Томск гроша медного не стоит, а все уездные не лучше той Крепкой [слобода в 60 верстах от Таганрога. Евг. Л.], в которой ты [брат писателя — А-др Павл. Чехов. Евг. Л.] имел неосторожность родиться».

«Иркутск превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы... Нет уродливых заборов, нелепых вывесок и пустырей с надписями о том, что нельзя останавливаться. Есть трактир «Таганрог»...»

Большое впечатление произвел на Чехова Байкал:

«Ехали мы к Байкалу по берегу Ангара, которая берет начало из Байкала и впадает в Енисей... Берега живописные. Горы и горы, на горах сплошную леса. Погода была чудная, тихая, солнечная, теплая; я ехал и чувствовал почему-то, что я необыкновенно здоров; мне было так хорошо, что и описать нельзя. Это вероятно после сиденья в Иркутске и от-

того, что берег Ангарты на Швейцарию похож. Что-то новое и оригинальное. Ехали по берегу, доехали до устья и повернули влево; тут уж берег Байкала, который в Сибири называется морем. Зеркало. Другого берега, конечно, не видно; 90 верст. Берега высокие, крутые, каменистые, лесистые; направо и налево видны мысы, которые вдаются в море вроде Аю-Дага или феодеосийского Тохтебеля. [Коктебеля — Евг. Л.]. Похоже на Крым. Станция Лиственичная расположена у самой воды и поразительно похожа на Ялту; будь дома белые, совсем была бы Ялта. Только на горах нет построек, так как горы слишком отвесны и строиться на них нельзя».

«Байкал удивителен, и недаром сибиряки величают его не озером, а морем. Вода прозрачна необыкновенно, так что видно сквозь нее, как сквозь воздух; цвет у нее нежно-бирюзовый, приятный для глаза. Берега гористые, покрытые лесами; кругом дичь непроглядная, беспросветная.

Изобилие медведей, диких коз и всякой всячины, которая занимается тем, что живет в тайге и закусывает друг другом. Прожил я на берегу Байкала двое суток».

Путь после Байкала отмечается писателем рядом восторженных отзывов:

«... Забайкалье великолепно. Это смесь Швейцарии, Дании и Финляндии».

«Берега у Шилки красивые, точно декорация, но увы! чувствуется что-то гнетущее от этого сплошного безлюдья. Точно клетка без птиц».

«Нахожусь под впечатлением Забайкалья, которое я проехал: превосходный край. Вообще говоря, от Байкала начинается сибирская поэзия, до Байкала же была проза».

«И так, конно-лошадиное странствие мое кончилось. Продолжалось оно 2 месяца (выехал я 21 апреля).»

«Проехал я на лошадях более 4000 верст... Теперь я сижу в каюте первого класса и чувствую себя в Европе. Такое у меня настроение, как будто я экзамен выдержал».

«О том, как я ехал по берегу Селенги и потом через Забайкалье, расскажу при свидании, а теперь скажу только, что Селенга — сплошная красота, а в Забайкалье я находил все, что хотел: и Кавказ, и долину Пела, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу,

ночью — по Донской степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уж Полтавская губерния — и так всю тысячу верст. Верхнеудинск маленький городок, Чита плохой, в роде Сум. О сне и об обедах конечно некогда было и думать. Скачешь, мечтаешь на станциях лошадей и думаешь только о том, что на следующей станции могут не дать лошадей и задержат на 5—6 часов. Делали в сутки 200 верст — больше летом нельзя сделать. Обалдели. Жарка к тому же страшная, а ночью холод, так что нужно было мне сверх суконного пальто надевать кожаное. Одну ночь ехал даже в полушубке. Ну-с, ехали, ехали и сегодня утром прибыли в Сретенск, ровно за час до отхода парохода...»

Двигаясь по Шилке, Чехов приближался к Амуру.

«Плыву по Шилке, которая у Покровской станицы, слившись с Аргунью, переходит в Амур. Река — не шире Пела, даже уже. Берега каменистые: утесы да леса. Совсем дичь... Лавирусом, чтобы не сесть на мель, или не хлопнуться задом о берег. У порогов пароходы и баржи часто хлопаются. Душно. Сейчас остановились у Усть-Кары, где высадили человек 5—6 каторжных. Тут прииски и каторжная тюрьма. Вчера был в Нерчинске. Городок не ахти, но жить можно».

Река Амур и Амурский край, несомненно, были самыми яркими, полноценными, в смысле свежести впечатлений, этапами в дальнесибирском путешествии Чехова:

«Амур очень хорошая река; я получил от него больше, чем мог ожидать... описывать такие красоты, как Амурские берега, я совсем не умею; пасую перед ними и признаю себя нищим. Ну как их опишешь? Представьте себе Сурамский перевал, который заставили быть берегом реки — вот Вам и Амур. Скалы, утесы, леса, тысячи уток, цапель и всяких носатых каналий, и сплошная пустыня. Налево русский берег, направо китайский. Хочу — на Россию гляжу, хочу — на Китай. Китай так же пустынен и дик, как Россия: села и сторожевые избушки попадаются редко... Проплыл я по Амуру больше тысячи верст и видел миллионы пейзажей, а ведь до Амурского Байкал, Забайкалье... Люди на Амуре оригинальные, жизнь интересная, не похожая на нашу. Только и разговора, что о золоте. Золото, золото и больше ничего...»

«... Я в Амур влюблен; охотно бы пожил на нем года два. И красиво, и просто, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России. Если бы Вы тут жили, то написали бы очень много хорошего и увлекли бы публику, а я не умею».

«...А какой либерализм! Ах какой либерализм! На пароходе воздух накаляется до-красна от разговоров. Здесь не боятся говорить громко. Арестовывать здесь некому и ссылать некуда, либеральничай сколько влезет. Народ все больше независимый, самостоятельный и с логикой. Если случается какое-нибудь недоразумение в Усть-Каре, где работают каторжные (между ними много политических, которые не работают), то возмущается весь Амур. Доносы не приняты. Бежавший политический свободно может проехать на пароходе до океана, не боясь, что его выдаст капитан. Это объясняется отчасти и полным равнодушием ко всему, что творится в России. Каждый говорит: какое мне дело?»

«Деревни здесь [на Амуре. Евг. Л.] такие же, как на Дону; разница есть в постройках, но неважная. Жители не исполняют постов и едят мясо даже в страстную неделю; девки курят папиросы, а старухи трубки — это так принято...»

«Амур чрезвычайно интересный край. До чортиков оригинален. Жизнь тут кипит такая, о какой в Европе и понятия не имеют. Она, т. е. эта жизнь, напоминает мне рассказы из американской жизни. Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навеки остаться тут жить».

Царская колонизационная политика на Дальнем Востоке поразила Чехова на месте ее осуществления — в Приморье своей идеологической и материальной пустотой, своим государственным и общественным бессильем. Он кратко охарактеризовывал положение русского Дальнего Востока в 1890 году следующими словами:

«О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями, скажу только одно: вопиющая беднота! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния. Один чест-

ный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя».

Наконец, сам Сахалин и работа на нем Чехова нашли свое отражение в многочисленных его письмах, которые он писал после возвращения в Россию. В них неизменно высказывается и полное удовлетворение этой поездкой, и, вместе с тем, со свойственной Чехову скромностью подчеркивается несоответствие его сил стоявшей перед ним задаче — момент творческой самокритики. Поскольку Сахалину посвящена отдельная книга, письма Чехова на эту тему имеют характер дополнительного автобиографического комментария к ней. Приведем из них лишь несколько строк:

«Прожил я на Сев[ерном] Сахалине ровно два месяца... Я видел все, стало быть, вопрос теперь не в том, что я видел, а как видел. Не знаю, что у меня выйдет, но сделано мною не мало. Хватило бы на три диссертации. Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано, а теперь, когда уже я покончил с каторгою, у меня такое чувство, как будто я видел все, но слона-то и не заметил».

Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю не мало надежд».

IV

ЗНАЧЕНИЕ ПОЕЗДКИ НА САХАЛИН В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ А. П. ЧЕХОВА

Отправляясь на Восток, Чехов разрубал своеобразный узел вопросов общественного и творческого порядка, возникших в его биографии к концу 80-х годов. Создание в 1888—1889 годах таких крупных вещей, как «Степь», «Огни», «Иванов», «Скучная история», сопровождалось глубокими творческими сомнениями и большим напряжением воли. Конец рассказа «Огни»: «Ничего не разберешь

на этом свете» — в многочисленных внешних вариантах, но в том же основном смысле повторялся самим Чеховым, когда он в эти годы говорил о состоянии литературы и писательского труда, о творческих задачах и возможностях писателя, о смысле жизни и роли искусства в ней.

Вместе с тем именно в эти годы Чехов приступил к осуществлению внутренне созревшего замысла написать роман. Писатель чувствовал необходимость проверить свои творческие силы на крупной форме. Роман должен был, на новом этапе его писательской зрелости, обобщить имевшийся у него опыт владения общественной темой и соответствующей этой теме литературной техникой. Чехов некоторое время работал над романом, но замысел, все-таки, не был осуществлен.

С другой стороны, под внешним благополучием биографии Чехова этих лет скрывался тупик создавшихся у него к концу 80-х годов общественно-литературных связей и отношений. Чехов явно переставал свою ближайшую писательскую и тем более бытовую среду, а сложившиеся у него к этому времени общественные связи и отношения все более не соответствовали этому росту. Требовался хотя бы временный отход от привычной обстановки — отход в виде, лучше всего, какой-либо новой работы в совершенно новых условиях.

Помимо этих глубоких внутренних недомоганий общественно-литературного характера, Чехов, очевидно, не переставал чувствовать и другую неудовлетворенную потребность — желание проверить свои силы в области научной работы. Как врач и, в некоторой степени, естествовед, он продолжал интересоваться проблемами и вопросами медицины и естествознания. В 1883 году он задумывал написать большую научную работу по «Истории полового авторитета» с естественно-исторической точки зрения. А в 1884—1885 годах им была начата рукопись: «Врачебное дело в России, 1884, 1885». Однако, оба эти замысла тоже не были осуществлены. Что же касается книги «Остров Сахалин», то, забегая вперед, необходимо сказать, что этот труд вернее всего осмысливается в плане следующего автобиографического комментария в одном из позднейших писем: «Остров Сахалин» написан [мною] в 1893 го-

ду — это вместо диссертации, которую я замыслил написать после 1884 года — окончания медицинского факультета».

Еще за несколько месяцев до поездки Чехов упорно, целыми днями, занимался установлением литературных источников по Сахалину и систематическим их изучением. В книге «Остров Сахалин» мы находим многочисленные случаи ссылок на эти источники, разбора и обсуждения их. Но проработанная Чеховым литература была еще шире и разнообразнее. Книга «Остров Сахалин» впитала в себя самое главное из обширной читанной и просмотренной Чеховым библиотеки по Дальнему Востоку.

И если попытки Чехова написать в 1883 и 1885 гг. научные работы остались не осуществленными, «Остров Сахалин» представляется работой завершенной, приобретшей характер «литературного источника и пособия для всех занимающихся и интересующихся тюремным делом», как он писал в одном из своих писем от 1891 года.

У покойного проф. Г. И. Россолимо, — товарища Чехова по Московскому университету, — был даже разговор с деканом медицинского факультета Московского университета проф. Клейном относительно зачета «Острова Сахалина» в качестве работы на степень «доктора медицины». И Чехов знал об этом разговоре.

В конце концов, он писал о своем «Острове Сахалине» с некоторым юмором, но вместе с тем с удовлетворением: «Мой Сахалин — труд академический, и я получу за него премию митрополита Макария. Медицина не может упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености и тому, что старые писатели называли педантизмом. И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жестокий арестантский халат».

Таким образом, отправляясь на Сахалин, Чехов избрал несколько самобытный, но закономерный для себя — представителя демократической интеллигенции — путь самопроверки своих моральных и творческих сил, состояния своей воли — воли к жизни. Возникшая в нем потребность реально видеть и научно обследовать царскую каторгу и ссылку на Сахалин — была желанием писателя-позитивиста опереться в своем общественном росте и творческом развитии на определенный материал конкретной жизни.

Он, конечно, мог предвидеть, что господствующая этическая система, полностью стимулированная командующими классами и официальной церковно-государственной системой, с особенной фальшью и преступностью преломлялась на царской каторге. Как врач — демократ и писатель — гуманист, он устремлял свое внимание на самый характерный объект царской карательной системы — остров Сахалин. Предпринимая поездку на остров Сахалин, Чехов сознательно прерывал свою обычную литературную работу. Этот перерыв был вполне закономерным для его творческой биографии, как было закономерным его переключение на тщательную подготовку к поездке и на последовавшую затем работу писателя на территории самого Сахалина.

Все это способствовало углублению в дальнейшем общественного содержания чеховской темы и характера ее освещения.

Под общим воздействием пережитого, проделанного и продуманного во время поездки и после нее, творческая мысль Чехова еще глубже прониклась элементами демократического гуманизма и критического реализма. Возобновленная после Сахалина литературная работа проходила такие выдающиеся этапы, как «Дуэль», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Черный монах», «В усадьбе», «Три года», «Моя жизнь», «Чайка», «Дядя Ваня», «Мужики», «Ионыч», «Новая дача», «В овраге», «Три сестры», «Вишневый сад».

Вскоре после возвращения из Сахалина Чехов писал: «...а какой кислотой я был бы теперь, если бы сидел дома. До поездки «Крейцерова соната» была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой. Не то я возмущался от поездки, не то с ума сошел — чорт меня знает». После Сахалина в 90-х годах он гораздо резче видел все «смешное» и «бестолковое» в окружающей действительности и немало «событий», казавшихся ему раньше имеющими значение, в процессе позднейшего формирования его творчества получили свои глубокие внутренние и внешние творческие переоценки.

Поездка 1890 года дала Чехову полное удовлетворение. Она обогатила его полезным запасом впечатлений, наблюдений и эмоциональных сил. Общеизвестны советы Чехова другим писателям оста-

вить насиженные места и поехать как можно дальше, за Урал, чтобы приобрести и освоить новое поле наблюдений, чтобы найти запас новых образов. В этом смысле Чехов являлся ранним выразителем той мысли, которую несколько позднее с такой определенностью и ясностью, на новой социальной основе, развернул в своей учительской работе Алексей Максимович Горький. В этих советах Чехова была уже эмбрионально выражена мысль Горького относительно настоятельной необходимости русскому писателю выйти в своей теме, в своих наблюдениях за границы средне-русской равнины, которую она осваивала на протяжении XIX столетия.

Россию, свою страну, Чехов знал гораздо шире своих многочисленных литературных современников. О глубине не приходится говорить. Он чувствовал ее в огромной протяженности на Восток. Он понимал, что громадная в своих границах, но неустроенная и бесхозяйственная страна обязывает писателя знать материал жизни во всем мощном географическом масштабе и отражать его в искусстве, обобщающем и типизирующем образы и процессы. У Чехова, конечно, эта концепция не получила еще того цельного и законченного, социально острого развития и выражения, которыми отличается мысль А. М. Горького о территориальной, а, следовательно, в определенной мере, и о тематической замкнутости русской литературы XIX столетия. А. М. Горький выражал в своем учительстве, в своем творчестве — творчестве социалистического реалиста и пролетарского гуманиста, — политические и национальные идеи революционного интернационального большевизма. Он поднял и поставил все эти проблемы на высоту нескрушимых принципов ленинско-сталинской национальной политики. Но в критическом реализме Чехова было раннее чувство неизбежности сдвига литературного процесса в этом направлении.

А воочию виденные Чеховым Сибирь, Дальний Восток и Сахалин всегда напоминали писателю о сложном многообразии русской жизни и ее безответственных официальных руководителях, органическое бессилие которых справиться с управлением страной он изображал как-то страницей своего труда «Остров Сахалин».